
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 342(470.62/.67)(091)

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Айбатов М.М., профессор кафедры истории государства и права Дагестанского государственного университета, доктор юридических наук
E-mail: aibatov52@yandex.ru

В статье анализируется сущность современной власти в Северо-Кавказском регионе, проблемы взаимодействия власти и общества в регионе, причины коррупции и неэффективности власти.

Ключевые слова: власть, общество, клан, дотация, коррупция.

POWER AND SOCIETY IN THE NORTH-CAUCASIAN REGION: HISTORICAL-LEGAL ANALYSIS

Aibatov M.M., professor of the Department of History of State and Law at Daghestan State University, Doctor of Law sciences

The article analyses the essence of contemporary power in the North-Caucasian region; the problems of interaction of authority and society in the region, the reasons of corruption and ineffectiveness of power.

Key words: power, corruption, society, clan, subsidy.

В 90-е годы XX в. под флагом воцарения демократии мы получили не современное государство, а подковерную борьбу кланов, не справедливое и свободное общество, а произвол «самоназначенных элит», пренебрегающих интересами многих людей [1, с. 8]. Не остался в стороне от этого процесса и Северо-Кавказский регион, где последнее 20-летие характеризуется стремительным нарастанием признаков системного кризиса российской государственной политики. В регионе усиливается моноэтнизация власти, углубляется межнациональная неприязнь, идет дерусификация населения, растет религиозный и национальный экстремизм, продолжает хроническая дотационность и иждивенчество субъектов.

Основной проблемой, мешающей нормальному ходу процессов постсоциалистической трансформации и модернизации, является системная коррупция и клановый характер власти. Клановый характер местной власти в Северо-

Кавказском регионе привел к тому, что она только номинально является государственной, «фактически поставив себя на службу этническому криминалитету, используя властные полномочия для удовлетворения собственных корыстных интересов» [2, с. 114].

В 2012 и особенно в 2013 году Президент РФ В.В. Путин и председатель Правительства РФ Д.А. Медведев в публичных выступлениях неоднократно указывали, что, по их мнению, является причиной этого: кавказская клановость и коррупционность и обещали всеми силами бороться с этими позорными явлениями нашей жизни.

Стремление высшего руководства России искоренять клановость и коррупционность на Северном Кавказе можно только приветствовать, ибо эти явления, на наш взгляд, действительно приводят к крайне опасным последствиям.

За последние годы в России сложился особый тип чиновничье-олигархического капитализ-

ма, характеризующийся властью определенных, искусственно несменяемых элит (кланов), имеющих поддержку в широких слоях неприкасаемого и всевластного чиновничества, сросшегося с крупным бизнесом и управляющего всеми финансовыми потоками страны. При этом обществу навязана политическая система, обслуживающая и поддерживающая этот тип капитализма и, как следствие, отстраняющая большинство народа от участия в управлении государством и от возможности свободного волеизъявления путем имитации свободы политической деятельности, создания марионеточной официальной оппозиции и искоренения оппозиции неофициальной, насаждения полностью подконтрольной властям избирательной системы, искусственном сдерживании сверху строительства гражданского общества и т. д.

Подобная система абсолютно не идеальна сама по себе и, более того, крайне опасна. Если мы сравним причины и предпосылки кровавого бунта в Киргизии, политические события в арабских странах и нынешнюю российскую ситуацию, то увидим некоторые сходные черты. Однако в условиях, присущих основной части Российского государства, – «долгозапрягающий» и политически пассивный народ, слабая самоорганизация общества, наличие определенных природных и экономических ресурсов, дающих возможность поддерживать уровень жизни граждан даже при очень проблемной и непроизводящей экономике, существование зачаточной системы гражданского общества, все же предоставляющей имитацию какого-то политического выбора и т. д. – она не приводит к очень быстрому всплеску народного недовольства и сопротивления масс и, судя по всему, еще в состоянии просуществовать некоторое время.

С учетом того, что, в отличие от остальной России, собственных ресурсов на Северном Кавказе почти нет, а промышленность после распада «проклятого» СССР очень быстро развалилась, основным ресурсом в регионе стали дотации из федерального центра, и именно за обладание ими развернулась основная конкуренция кавказских кланов.

Здесь можно сделать короткое отступление. Мы привыкли употреблять слова «клан», «клановая система» в негативном смысле. Это далеко не всегда верно. Что же такое «клан»?

Клан – это объединенная по какому-либо признаку, довольно замкнутая группа людей, ко-

торая общими усилиями достигает своих целей, присущих всем или почти всем членам клана. «Клановость» может быть очень обширным понятием, а признак, по которому объединяется клан, может быть любым: по лидеру (клан Зязикова, клан Лужкова), по религии, по принадлежности к какой-то территории (клан питерцев), по семейному признаку (клан Исмаиловых, клан Бакиевых), по национальному признаку (чеченцы, карачаевцы), по семейному признаку и т. д. [3, с. 243].

Демонизировать излишне это явление не стоит, ибо, с точки зрения клана, объединение группы людей по признаку какой-то общности несет в себе много полезного для них самих. В критические моменты клановость может помочь этносу, сплотить и даже спасти его. Однако в рамках всего государства клановая система власти не может быть прогрессивной.

Это связано с тем, что клан не может быть созидателем для всего народа по самой своей сути. В политико-экономическом смысле клановость означает захват и сосредоточение в руках определенной группы людей экономических, политических, натуральных и иных ресурсов, являющихся собственностью всего общества. Клан может нести процветание и прогресс для узкой группы своих членов, но достигается это путем обворовывания всего народа и осуществлением действий, тормозящих развитие государства в интересах, опять же, узкой группы лидеров, людей, входящих в их клан или принадлежащих к их национальности [4, с. 244].

После распада СССР и ослабления позиций России на Кавказе активизация клановой функции была для горцев в значительной степени защитной реакцией. В условиях дезориентации населения и ослабления влияния Москвы они смогли сплотить народ вокруг своих кланов, родов, наций, уменьшить или разрушить привлекательность образа общего государства в умах своих сторонников, дать им новые, более узкие цели, поставить новые задачи, отличные от задач других членов общества и добиться заключения нового общественного договора с подобными себе кланами, управляющими всей Россией [5, с. 244].

Таким образом, для кавказских кланов и для российского чиновничества ставка на подобную модель выглядит вполне оправданной и полностью отвечающей их узконациональным и чиновничье-клановым интересам. Выгодно ли это России?

Здесь необходимо заметить, что с исторической точки зрения нынешняя ситуация является далеко не первым примером сотрудничества российских властей с Северо-Кавказскими кланами – и каждый раз подобная опора приносила интересам страны огромный вред. Оперевшись на клановую элиту, современная Россия классическим образом повторила одну из самых больших ошибок Кавказской войны XVIII–XIX веков – ставку на клан. Тогда в роли клана выступила кавказская аристократия, просившая помощь от аристократии российской и предлагавшая ей взамен свои услуги. Получив помощь от Санкт-Петербурга, кавказские князья и дворяне усилили эксплуатацию горского общества, что привело к глубокому кризису в их отношениях с простым народом и в глазах значительного количества горцев выставило помогавшую им Россию своим врагом. Наряду с некоторыми другими условиями это серьезным образом осложнило покорение Кавказа и неоправданно затянуло войну. Так, на Западном Кавказе она длилась целых 100 лет.

После революции 1917 года большевики поступили противоположным образом: исходя из своих классовых установок, они сделали ставку на Кавказе не на кланы и национальности, а на народ. В результате в целом горцы либо поддержали большевиков, либо отнеслись к ним нейтрально, но отказали в поддержке белым, попутно воспользовались предоставленной им большевиками свободой действий в отношении казаков и вырезали под корень немало терских станиц и хуторов.

Вместе с тем будет заблуждением думать, что клан является выразителем интересов нации и что клановая борьба всегда носит межнациональный характер. Границы клана совсем не обязательно совпадают с границами наций, а в действительности, как правило, сами северокавказские нации разбиты на немалое количество кланов, соперничающих, а иной раз и смертельно враждующих друг с другом. Это традиционная ситуация для Северного Кавказа – так было и во время Кавказской войны XVIII–XIX веков, в значительной степени являвшейся для горцев внутренней, гражданской войной, которую различные кланы и группы населения вели между собой, привлекая в качестве союзников внешние силы – Россию, Англию, Турцию и т.д. В наше время мало что изменилось. Несмотря на кажущееся внешнее единство сами северокавказские нации разбиты на множество кланов, которые ведут между собой жестокую

конкуренцию и не упускают случая ущемить соперника.

В таких условиях интересы России как страны равноправных наций заключаются не в поддержке какого-либо одного клана, а в защите интересов всех народов на основе принципов равенства и безусловного соблюдения законов. В то же время в рамках сложившейся властной вертикали и социального договора с элитами чиновничество из федерального центра, как правило, становится на сторону именно какого-то одного клана и какого-то одного лидера.

Получив контроль за распределением активов и за системой административного управления, кавказский клан начинает действовать так же, как и любой другой клан в любом другом регионе: приступает к присвоению средств, имеющихся в регионе и к устранению любой опасности для себя в этой роли. Клан занимается переделом собственности, замыкает доступ к федеральным дотациям на себе и начинает распространять их почти исключительно среди своих членов, расставляет всюду своих людей, дает им огромные преференции и убирает ставленников предыдущих кланов [6, с. 245].

В то же время клан пытается освободиться от любого вида контроля, и в этом отношении он, с одной стороны, не допускает развития гражданского общества, одной из задач которого является контроль за властью, с другой – создает иллюзию оппозиции и демократической политической системы в виде карманных оппозиционных партий общероссийского парламентского спектра, почти или полностью подконтрольных парламентам и избирательных комиссий [7]. Казалось бы, все как и везде в России. Ничего нового. В чем же отличие Северного Кавказа?

Существует пять отличий Северного Кавказа:

1. Среднестатистический житель Северного Кавказа, как уже было сказано, гораздо в меньшей степени ощущает свою принадлежность к Российскому государству или к государству вообще. Это естественно, так как исторически у многих кавказских народов государств не было никогда и весь их опыт жизни в государстве заключается в последних 150–200 годах, когда Россия пришла на Кавказ.

2. В условиях ограниченности ресурсов Кавказа (в отличие от общероссийских) узурпация одним кланом большинства, если не всех, эконо-

мических, политических и других активов означает очень резкое расслоение общества, когда у узкой группы людей есть все, а у широких масс – ничего. Получается ситуация, при которой представители одного клана имеют доступ к средствам производства и к обслуживающим их политическим активам, а все оставшиеся граждане оказываются их лишены – они не могут найти хорошую работу или работу вообще, не могут подняться по карьерной лестнице, получить образование, принять реальное участие в политической или общественной жизни, получить компенсации, в их селах не развивается инфраструктура, не строятся дома, в судах они не могут добиться правды, правоохранительные органы их «прессуют» и т.д. Целые общности, группы людей, целые национальности оказываются просто выброшены на обочину жизни.

3. Менталитет кавказца, особенно в таких республиках, как Чечня, Ингушетия, Дагестан, в огромной степени отличается от менталитета русского человека. Там, где русский будет ходить по судам и писать письмо за письмом «дорогой редакции», пытаясь добиться правды от государства, представитель северокавказского этноса либо вообще не пойдет в суд, либо если пойдет и не получит удовлетворения или если пойдет и увидит слабость государственной машины, то будет решать вопрос своими способами, противоправными с точки зрения российского законодательства.

4. Кавказская коррупция, огромная сама по себе, накладывается на федеральный уровень коррупции – с чиновниками в Москве – ведь надо делиться! В результате вся система представляет собой один огромный инструмент дележки «пирога», и до людей не доходит практически ничего.

5. При наличии разного вида клановой общности кавказская клановость в огромной степени основана на этническом компоненте и в подавляющем большинстве является именно этнической.

В этих условиях концентрация значительного количества благ, принадлежащих всему народу в руках одного клана, его всевластие, коррупционность, неподзаконность и неподотчетность народу приводят к социальному недовольству или даже социальному взрыву. Общество распадается. Часть его, не видя для себя возможности нормального существования в регионе, покидает его, как это произошло, в частности, со множеством жителей Южной Осетии, другая часть всеми силами

стремится примкнуть к правящему клану и получить доступ к кормушке, кто-то просто пытается каким-то образом устроить свою жизнь, не обращая внимания ни на что, а кто-то озлобляется, уходит в лес или начинает активную борьбу с существующими властями – то, что мы сейчас называем терроризмом.

«Теракты на Кавказе, – пишет бывший зам. председателя Комитета Госдумы по безопасности Г. Гудков, – это отражение нарастания ненависти к произволу чиновников, сидящих на Кавказе и занимающихся только распилом федеральных денег и выслуживанием перед федеральным центром. Это реакция людей, отчаявшихся найти правду и справедливость, одурманенных экстремистскими учениями. На Кавказе сегодня чудовищное бесправие, коррупция, произвол в правоохранительной системе, чудовищный суд, не способный никого защищать, что порождает подпольную гражданскую войну» [8].

Еще одним важным следствием распространения подобной системы взаимоотношений на Северном Кавказе является огромная деградация экономики и перманентно иждивенческий статус северокавказских республик внутри Российского государства. Почему так получается? Почему из года в год Россия тратит на Северный Кавказ огромные средства? Почему деньги, заработанные налогоплательщиками в Туле и Сургуте, не тратятся на тульских и сургутских бабушек, а идут на обеспечение кавказских республик?

Как известно, дотационность северокавказских территорий составляет от 49 % (КБР) до 92 % (Чечня и Ингушетия). В целом на республики Северного Кавказа, в которых проживает 6,3 % населения России, федеральный центр выделяет 22 % всех средств, идущих на дотации регионам [9, с. 22]. Кроме того, огромные суммы регулярно выделяются на Абхазию и Южную Осетию.

Как мы уже видели, предоставление региону дотаций, распределяемых местной частью общероссийской «вертикали власти», является одним из условий социального договора между Москвой и кавказскими элитами. Это очень важное условие, без него никакая внешняя лояльность Северного Кавказа невозможна. Поэтому начинает происходить то, что в народе называется «заваливать Кавказ деньгами», «платить Кавказу оброк» и «получать дань от Москвы».

С одной стороны, огромные федеральные трансферы играют позитивную функцию, так как

позволяют поддерживать у людей в тотально не зарабатывающих республиках и де-юре странах какие-то минимальные жизненные стандарты, с другой же, самым парадоксальным образом, эти безумные, легкие деньги играют не позитивную, а в крайней степени негативную роль – лишают кавказские территории стимулов к развитию и еще больше раскручивают маховик коррупционности и клановости.

Проблема в том, что в условиях сверхвысокой клановости и коррупционности эти огромные средства не доходят до тех, кому они действительно нужны – до честных предпринимателей и производителей, и оседают в руках у верхнего слоя людей, руководящих регионами, принимающих участие в социальном договоре с общероссийской элитой и, следовательно, имеющих доступ к распределению дотаций. Так, например, в случае с Южной Осетией, по мнению Варвары Пахоменко, консультанта Международной группы по предотвращению кризисов, которая ссылается на результаты проверки Счетной палаты РФ, в 2008 году на восстановление этой республики было выделено 55 миллионов долларов, из которых до места дошло только 15 миллионов долларов, а непосредственно на восстановление было потрачено лишь 1,4 миллиона долларов [10].

Отсутствие средств не дает одним развивать экономику, в то же самое время, когда потоки легких денег разрушают у других все стимулы к труду. Эта система извращает сами основы экономических отношений и делает наиболее прибыльным делом не экономическую деятельность, а доступ к государственным ресурсам. Получается парадоксальная картина, невозможная в нормальном обществе: на развитие Северо-Кавказского региона Россия направляет огромные государственные средства, намного большие, чем в другие регионы, но в условиях всевластия и коррупционности кавказской элиты, встроенной в общероссийскую вертикаль власти, эти огромные средства не только не доходят до людей и до реальных производств, но и убивают саму возможность экономического развития! Удивительно уродливая ситуация. При ней деньги не приносят деньги, как считал Маркс, а уносят их, но в рамках кланово-чиновничьего подхода, все абсолютно правильно и логично – посмотрите на тренды последних лет: федеральные дотации на Кавказ увеличились, а доходы местных бюджетов уменьшились.

Подобная зависимость наблюдается и в отношении общественной системы, построенной на Северном Кавказе в условиях коррумпированной чиновничье-клановой власти. Кавказские кланы, как и любые другие, действуют в своих личных интересах, а не в интересах общества, следовательно, они всегда и при любых условиях будут стремиться избежать общественного контроля над своими действиями. Клан и свободное общество – это диаметрально противоположные явления. Совместное существование одного с другим невозможно: или народ живет свободно, демократично и путем выборности власти и контроля за ней осуществляет свою конституционную функцию как «единственного источника власти», или этим источником будет коррумпированная клановая верхушка, выбранная из Москвы и принимающая все решения единолично за всех членов общества.

С одной стороны, можно говорить, что в этом отношении власти северокавказских республик вольно или невольно повторяют общероссийскую модель, которая очень далека от совершенства, с другой стороны, эффект от применения подобной системы на Кавказе вдвойне и втройне усиливается, потому что в соответствии с социальным договором с кавказскими элитами российские власти закрывают глаза практически на все их «шалости» и принципиально не вмешиваются даже в моменты очень острого противостояния власти и народа и за редчайшими исключениями не реагируют на сигналы о вопиющей вседозволенности местных «князьков» и зажимания ими робких проявлений гражданского общества.

Соответственно, как и в вопросе с экономикой, чем большее развитие будет получать нынешняя чиновничье-клановая система, тем меньше шансов и возможностей будет для создания свободного гражданского общества на Северном Кавказе.

Вопросы контроля в рамках сложившейся системы являются очень острыми. Настолько острыми, что ради отсутствия контроля за своими действиями и за расходом федеральных средств представители кавказских элит, не раздумывая, идут на конфликт с Москвой и в этом противостоянии зачастую готовы идти до конца. Причина этого понятна – любой контроль представляет угрозу лидерству и благосостоянию клана, в то время как открытость и гласность продемонстрируют как московским «кураторам», так и собственному народу, что новая кавказская знать действует не в

интересах России, а в интересах лишь собственного клана.

Другим, крайне важным и совершенно естественным результатом деятельности существующей системы является кавказский сепаратизм, который уже в немалой степени распространил свои метастазы по Северному Кавказу и который неминуемо вытекает из нынешнего негласного договора чиновничьих элит.

Одним из первейших последствий этого договора является разрушение единой общности народов, десакрализация таких понятий, как «лояльность», «дружба», «союзнические отношения», «общая история», и перевод их в статус обычного товара. Эта система даже чисто теоретически, уже по своей структуре ставит под вопрос сами основы совместного сосуществования семьи российских народов и обусловлен этот процесс рядом обстоятельств, которые должны быть выполнены в обмен даже не на реальную, а лишь на внешнюю лояльность.

Одним из любимых терминов Председателя Правительства РФ Д.А. Медведева является фраза «фасадная демократия», что означает наличие внешней видимости демократии при отсутствии реальной демократии внутри системы. Так вот, лояльность, достигаемая в рамках существующего договора элит, как раз и есть фасадная лояльность, которая в коротком и среднесрочном периоде способна казаться реальной, но которая неминуемо подтачивает систему изнутри и отталкивает северокавказские республики от России. В настоящее время почти во всех северокавказских республиках связка региональных и московских чиновничьих элит оперирует на уровне экономических отношений и экономических требований, но логика ее развития однозначно говорит о том, что на экономических требованиях она не остановится и неминуемо перейдет к требованиям политическим. Переход в политическую стадию в нынешних условиях – это лишь вопрос времени.

Таким образом, в основе существующей системы политической власти в регионе лежит ба-

нальная и извечная разность интересов – интересов России как государства многих народностей, где проживают свыше 140 млн. людей, и интересов кланов, которые стремятся к единоличной эксплуатации активов, принадлежащих всем россиянам. Если в какой-то период нынешняя федеральная власть предлагает кланам деньги в обмен на лояльность, это совсем не значит, что они действительно становятся лояльными России – это фасадная лояльность. При показной, внешней лояльности системы внутри нее идут совершенно иные процессы, отличающиеся противоположным знаком. В условиях политики невмешательства со стороны Москвы этот период используется кланами для собственного усиления, для наращивания собственной экономической, политической и социальной базы. Все это уже много лет шло на Северном Кавказе и полным ходом идет сейчас, не встречая ровно никакого сопротивления со стороны федеральных органов власти.

Литература

1. *Айбатов М.М.* Власть и общество в России: историко-правовые аспекты // Юридический вестник ДГУ. 2012. № 3. С. 8.
2. *Трофимчук Н.А.* Ислам и этнополитические конфликты в современной России // Религия и культура: реф. сб. М.: ИНИОН, РАН, 2010. С. 114.
3. См.: Уголовное право в эволюционном обществе: проблемы и перспективы. Курск, 2011. С. 243.
4. Там же. С. 244.
5. Там же. С. 244.
6. Там же. С. 245.
7. Там же.
8. Черновик. 2012. 11 мая.
9. См.: *Степаненко М.А.* Северо-Кавказский федеральный округ. Чем это грозит России? // Ломоносов 2011: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2011. С. 22.
10. Голос народа. 2011. Март.

Поступила в редакцию 13 июня 2013 г.